«СОБРАНИЕ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ» В ТРАДИЦИИ ЯПОНСКИХ ПОУЧИТЕЛЬНЫХ РАССКАЗОВ XII–XIV ВВ.**

В данной статье авторы продолжают рассмотрение сборника поучительных рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю*», XII в.) в комплексе его взаимосвязей и сходств с другими сборниками этой традиции, составленными в начале XII–XIV вв. Рассказы из «*Кондзяку*» заимствуются почти во все сборники XIII в., как буддийские, так и светские; иногда это лишь сюжетная схема, а иногда, как в случае «Рассказов, собранных в Удзи» («*Удзи сюи моногатари*»), – текст целиком. При этом «*Удзи сюи*» – произведение, уже в большей степени ориентированное на читателя, а не на слушателя, и потому рассказы из «*Кондзяку*» в этом сборнике перерабатываются и подаются иначе. С течением времени традиция *сэцува* все больше старается приблизиться к «высокой» литературе, вместе с тем сохраняя связь с проповеднической традицией. Тематика рассказов остается очень широкой. Сборники становятся все больше «авторскими» произведениями. Разнообразные по проблематике и стилю изложения, все они до начала XV в., когда традиция сходит на нет, в той или иной степени испытали влияние «Собрания стародавних повестей».

Ключевые слова: японский буддизм, японская литература, рассказы *сэцува*, практическая философия, *Кондзяку моногатари*

Konjaku Monogatari-shu in the Japanese didactic tales tradition of XIIth – XIVth centuries. NADEZHDA N. TRUBNIKOVA, MARIA S. KOLYADA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

In the following article, the authors continue to immerse *Konjaku monogatari-shu* (Anthology of tales from the past) of the XIIth century in the complex context of its interrelations and similarities with other collections of *setsuwa* tales, compiled at the beginning of XII – XIV centuries. Multifarious in their subject area and narrative style, all of the tales compilations were more or less under the influence of *Konjaku* until the beginning of XVth century when *setsuwa* tales tradition went into decline.

* ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

КОЛЯДА Мария Сергеевна, редактор журнала «Вопросы философии», научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: warriormary@yandex.ru

© Трубникова Н.Н., Коляда М.С., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00558.

Keywords: Japanese Buddhism, Japanese literature, *setsuwa* tales, practical philosophy, *Konjaku monogatari*

В предыдущей статье [12] мы в основном сравнивали «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*») [4; 5] со сборниками поучительных рассказов и другими текстами, составленными до рубежа XI–XII вв. Следующие сборники относятся примерно к тому же времени, что и «*Кондзяку*», и трудно сказать, какие ему предшествовали, а какие следовали за ним. Более того, между ним и некоторыми текстами вообще сложно провести четкую грань. Таковы «Повести старшего советника Удзи», «*Удзи дайнагон моногатари*», – «сборник-призрак», один из самых загадочных памятников во всей японской словесности. Рукописи его не сохранились, но он упоминается в нескольких сочинениях, в том числе в «Рассказах, собранных в Удзи», о которых речь пойдет ниже. В предисловии этого сочинения сказано: «Есть на свете “Повести старшего советника Удзи”. Этот старший советник – человек по имени Такакуни, внук господина Нисиномия (он же Такаакира), второй сын старшего советника Тосиката. В зрелые годы Такакуни стал плохо переносить жару. Он испрашивал отпуск и с пятого по восьмой месяцы затворялся в месте, что зовется Нансэнбо, на южном склоне холма возле книгохранилища храма Бёдоин [у реки Удзи]. Потому его и прозвали старшим советником Удзи. Бывало, закрутит волосы в два узла – странный вид! – расстелет на полу циновку, ляжет в холодке, велит слуге обмахивать его большим веером. И зовет к себе всех, кто проходит мимо, – низших, средних и высших без разбора – просит рассказать о старине, а сам лежит за занавесом и все записывает в большую тетрадь. Там есть рассказы и индийские, и китайские, и японские. Среди них и величавые, и смешные, и страшные, и грустные, и грязные, немного рассказов пустых, а есть и весьма тонкие – всякие, каких только нет!» [13].

Далее в предисловии говорится, что позже книгу Такакуни дописывали другие люди, и все же некоторые рассказы в нее не вошли; их-то читателю и предлагает новый сборник.

Скажем несколько слов о собирателе рассказов и его предках. Принц Такаакира (914–983), десятый сын государя Дайго, был выведен из государева рода и по обычаю получил прозвание Минамото. Он был Левым министром

в пору правления государя Рэйдзэй. Тосиката (959–1027), третий сын Такаакиры, столь высокой должности не занимал, но считался одним из ближних людей государя Итидзё и славился мудростью; рассказы о нем входят в несколько собраний *сэцува*¹. Второй сын Тосикаты, Минамото-но Такакуни (1004–1077), также служил при дворе, входил в ближнее окружение канцлера Фудзивара-но Ёримити, с которым состоял в родстве (бабка Такакуни была сестрой деда Ёримити). Храм Бёдоин на реке Удзи, один из шедевров японского зодчества, Ёримити построил в 1052 г.; этот год в Японии считали первым годом эпохи «конца Закона», поры неизбежного упадка буддийского учения и всего мироздания в целом (см.: [10, с. 60–67]). Странная прическа Такакуни (поверх нее невозможно надеть шапку, обязательный головной убор взрослого мужчины-мирянина), указывает, видимо, на то, что советник на отдыхе окончательно ушел в частную жизнь, отбросил светские условности. Но в монахи не постригся, хотя приют его называется «Кельей к югу от ручья», как монашеская обитель. Его коллекция рассказов будто бы и стала сборником «*Удзи дайнагон моногатари*».

По описанию этот свод рассказов очень похож на «*Кондзяку*»: те же три части по трем странам, то же разнообразие и огромный объем. Существовала ли такая книга, и если да, послужила ли она для «*Кондзяку*» не только образцом, но и источником рассказов? Или же под нею имеется в виду не что иное, как «*Кондзяку*»? В ранних изданиях «Стародавних повестей» (с XVIII в. до начала XX в.) составителем значится Минамото-но Такакуни, а порой и заглавие звучит как «Повести старшего советника Удзи». С другой стороны, самая старая из известных рукописей не содержит данных о составителе и озаглавлена как «*Кондзяку*», а не «*Удзи дайнагон моногатари*» (см.: [11]). Исследователи до сих пор спорят, считать ли собрание Такакуни и «*Кондзяку*» одной и той же книгой или нет, но чаще их все-таки различают.

В предисловиях к сборникам XIII в. станет общим местом утверждение составителя: я не буду отделять хорошие рассказы от плохих, положительные примеры от отрицательных (хотя

¹ Например, в «Дзиккинсё» (см. о нем ниже).

на самом деле рассказы в сборниках, конечно, всегда отобраны). Вероятно, эта черта восходит к преданию о Минамото-но Такакуни, так что его собрание, будем ли мы отождествлять его с «Кондзяку» или нет, стало для дальнейшей традиции определяющим еще и в этом смысле.

«Старинное собрание поучительных рассказов», «*Кохон сэцува-сю*», сохранилось в рукописи, датируемой первой третью XII в. и открытой в 1943 г. На ее обложке стоит заглавие «Стародавние повести», рассказы, как и в «Кондзяку», начинаются со слов «В стародавние времена...», всего их 70. На первый взгляд, это фрагмент или выборка из «Кондзяку», каких известно несколько десятков. Однако некоторые рассказы в этой рукописи не имеют соответствий в «Кондзяку», а другие поначалу похожи, но сюжет в них развивается иначе. В итоге решено было считать эту книгу самостоятельным сборником, заглавие ей дали исследователи (также ее иногда называют просто «рукописью Умэдава»).

Дональд Кин в книге по истории японской литературы сопоставляет два рассказа из «*Кохон*» (4 и 5) с похожими историями из «*Кондзяку*» (24–51 и 24–52). В них одни и те же действующие лица – придворный Ооэ-но Масахира и его жена, знаменитая поэтесса Акадзомэ-эмон, жившие на рубеже X–XI вв. Построены рассказы вокруг одних и тех же стихотворений, которые сочинили эти двое. Однако смысл рассказов и трактовка стихов прямо противоположные: в «*Кохон*» перед нами история нелюбви и несчастного брака, тогда как в «*Кондзяку*» чувства супругов непросты, но любовь все-таки побеждает [19, с. 577–578]. Вообще «Старинное собрание» ближе к придворной словесности, чем любой из свитков «Стародавних повестей». Оно, например, содержит увлекательный, пусть и недостоверный рассказ о том, как была написана «Повесть о Гэндзи» (рассказ 9). Эта история может служить хорошим примером к теме «наивного читателя» и «читателя-творца», о чем мы говорили в первой статье [12]. Придворная дама беседует с государыней (сестрой упомянутого выше канцлера Ёримити) о том, как бы раздобыть новых книг: верховная жрица столичного святилища Камо просит что-нибудь почитать, а старые повести она уже все прочла. «Вот ты и напиши!» – велит государыня, дама берется за дело и создает величайший шедевр японской словесности всех времен.

Исследователи различают в традиции *сэцува* две ветви, религиозную и светскую. Сбор-

ники, составленные до «*Кондзяку*», содержат рассказы только буддийские. Начало собрания мирских рассказов, как часто считается, положили именно «Стародавние повести», и мирские истории «*Кондзяку*» (вторая половина японской части, свитки с 22-го по 31-й) долгое время ценились выше буддийских². Их чаще переписывали, издавали, исследовали, а потом и переводили на современный японский и на европейские языки (см.: [11]). При этом к традиции поучительных рассказов можно отнести несколько текстов преимущественно мирского содержания, и самый ранний из них мог предшествовать «*Кондзяку*». Он, как и ранние буддийские сборники, написан на китайском языке, только здесь это не язык буддийских книг, а язык мужской придворной словесности; лишь отдельные места изложены по-японски. Это «Сборник бесед Ооэ», «*Годансё*» (1100-е гг.). Фудзивара-но Санэканэ (1085–1112) составил его из записей устных рассказов и рассуждений Ооэ-но Масафусы (1041–1111) – правнука Масахиры и Акадзомэ-эмон, прославленного знатока китайской и японской словесности, а также придворных обычаев (см.: [27; 14, с. 156–215]). Как считается, Масафуса сам составил несколько сборников *сэцува* религиозного содержания, о возрождении в раю и о даосских бессмертных (см.: [12]). Что же касается бесед, то в них Масафуса разбирает старинные и недавние события при дворе, толкует предсказания гадателей и китайские стихи, сложенные по разным поводам. Каким бы строгим и подробным правилам ни подчинялась придворная жизнь, любое из них можно трактовать по-разному, и задать общий принцип толкования правил невозможно; можно лишь показать на примерах, как разные люди применяли эти правила на пользу или во вред себе и окружающим. Такова главная тема «*Годансё*». «*Кондзяку*» имеет с ним около десятка общих рассказов, в основном в свитке 24-м, где темой является другое: мирские искусства, такие как врачевание, поэзия, музыка, предсказания по звездам и др., их возможности, часто близкие к чудесным.

Слово «беседы», *дан*, из заглавия «*Годансё*», станет одним из жанровых определений для сборников поучительных рассказов: в «Беседах о делах старины», «*Кодзидан*» (см. ниже) или «Собрании разных бесед», «*Дзодансю*» (1305 г.). Напомним, что *сэцува* – термин, вве-

² В том числе и потому, что буддийские рассказы «*Кондзяку*» по большей части уже появлялись в более ранних сборниках (см.: [11]).

денный исследователями, в самой же традиции чаще встречаются названия *моногатари*, или *дан*, или *ки* («записки»), или определения жанра в заглавиях нет вовсе. Слово «собрание», *сю*, как в заглавии «*Кондзяку моногатари-сю*», отсылает прежде всего к поэтическим антологиям («*Манъёсю*», «*Кокинсю*» и др.) и предполагает внутреннюю связность: как стихотворения в антологии, так и рассказы в сборнике вместе составляют некую единую картину. Слово «сборник», *сё*, скорее, указывает на целенаправленный отбор и часто подразумевает авторский подход к традиции; так, в «Личных выборках» монаха Дзиэна («*Гукансё*», начало XIII в.) японская история изложена исходя из взглядов автора на закономерности смены эпох. Часто *сё* появляется в заглавиях сочинений, где отобраны и истолкованы отрывки из буддийских канонических текстов по какой-либо теме, выбранной составителем: таково сочинение монаха Нитирэна «*Хоонсё*» второй половины XIII в., чья тема – «возврат долга», «благодарность», *хоон*.

Традицию «Бесед Ооэ» в XII в. продолжают «Сборник личных записей Накахара[но Моромото]», «*Тю:гайсё*:» (1154 г.), и «Беседы Фукэ», «*Фукэ-гатари*» (1161 г.). Обе эти книги содержат записи бесед канцлера Фудзивара-но Тададзанэ (1078–1162), сановника с непростой судьбой: он был ввергнут в опалу, вернулся, потом снова удалился в изгнание. Для более поздней традиции *сэцува* эти два сборника, как и «*Годансё*», стали источниками множества придворных историй [19, с. 582] и по цитируемости едва ли не обошли мирские разделы «*Кондзяку*».

К собраниям мирских рассказов близки сочинения в жанре трактатов о поэтическом искусстве, *карон*. Из них следует назвать «Секреты мастерства Тосиёри», «*Тосиёри дзуйно*» (1113 г.). Минамото-но Тосиёри (1055–1129), дальний родич Минамото-но Такакуни (род Тосиёри пошел от другого принца, брата государя Дайго), славился не только как поэт, но и как знаток поэзии, собиратель всевозможных историй о поэтах и обо всех тех, кто как-либо был причастен к созданию известных стихотворений. По одной из версий [6], Тосиёри мог быть также и составителем «*Кондзяку*», однако у других исследователей эта гипотеза поддержки не получила.

Еще две книги имеют отношение не к японской, а к китайской части «*Кондзяку*». Это, во-первых, «Китайские повести», «*Кара-моногатари*» (середина XII в.), Фудзивара-но Сигэ-

нори (1135–1187), куда вошли переложения 27 рассказов из разных китайских источников (см.: [18]). Как указывает Д. Кин, это первая книга японских переводов в собственном смысле слова [19, с. 583]. Здесь каждый рассказ начинается словами «В старину...», *мукаси*. С мирскими китайскими историями из «*Кондзяку*» сборник имеет общие сюжеты, но способ изложения различается. Сравним рассказ из «*Кара-моногатари*» о китайском государе Сюань-цзуне и красавице Ян-гуйфэй (18) с рассказом из «*Кондзяку*» (10–7). В «*Кара-моногатари*» рассказ гораздо длиннее, в него включено несколько японских песен *вака*, и в целом перед нами повествование о любви. В «*Кондзяку*» же это рассказ о государе. Наложница Ян выглядит как одно из важных обстоятельств его правления, но не как действующее лицо. Видимо, разница объясняется тем, что в основе рассказов лежат разные китайские версии этой многократно пересказанной истории, но сам выбор версий показателен. Отметим, что в более позднем «Сборнике наставлений в десяти разделах» (о нем речь пойдет ниже, там это рассказ 9–5) пересказана уже не история наложницы Ян как таковая, а ее осмысление в поэме Бо Цзюй-и «Вечная печаль». Рассказ становится совсем кратким и служит одним из примеров того, что такое «печаль», «тоска», и почему этому чувству не надо поддаваться.

Для «*Кара-моногатари*» одним из источников послужил китайский сборник жизнеописаний «Незрелые ищут», «*Мэн цю*» (VIII в.)³; в Японии он начиная с IX в. использовался при обучении китайскому языку. В 1204 г. Минамото-но Мицуюки (1163–1244), еще один дальний родич Такакуни, составил книгу «Незрелые ищут: родные песни», «*Могю вака*», где переведены (с сокращениями и дополнениями) 25 историй из «*Мэн цю*». Как и в «*Кара-моногатари*», они сопровождаются японскими стихотворениями, а расставлены рассказы в порядке поэтической антологии: сначала идут истории по четырем временам года, затем истории о любви и т. д. Здесь уже ясно видна ориентация составителя сборника *сэцува* на образцы «высокой» словесности, среди которых антологии занимают высшее место; исследователи видят начало этого движения уже в «*Кондзяку*» (см.: [12]).

Примечательно, что через «китайские» рассказы сборники *сэцува* связаны и с воинскими

³ Заглавие восходит к одной из фраз древнекитайской «Книги перемен», в переводе Ю.К. Щуцкого – «Не я ищу юношей, юноши ищут меня».

повестями. Примеры из китайской истории и литературы, которые присутствуют в *гунки-моногоматари*, предположительно, во многих случаях имеют источником скорее пересказы в *сэцува*, нежели китайские тексты [23, с. 283].

С конца XII в. начинается «век поучительных рассказов» – с этого времени и до конца XIII в. новые сборники *сэцува* появляются во множестве. Во всех них так или иначе можно проследить влияние «Стародавних повестей»: общие рассказы, принцип построения, отбор тем и подходы к их освещению.

«Собрание драгоценностей», *«Хобуцусю»* (около 1179 г.), приписывают Тайра-но Ясуёри (1146–1220), воину на службе у государя-монаха Госиракава-ин, а затем монаху в миру. О судьбе Ясуёри в пору смут второй половины XII в. говорится в «Повести о доме Тайра». Он был сослан на отдаленный остров, сумел оттуда вернуться и перед самым началом междоусобной войны между родами Тайра и Минамото (а может быть, уже в пору войны) составил книгу, куда вошла будто бы записанная со слуха беседа монахов и прихожан в одном из столичных храмов. Название *«Хобуцусю»*, возможно, отсылает к сборнику «Рассказов с картинками о Трех Сокровищах» X в. (*«Самбо экотоба»*), но если там было очевидно, каковы на свете величайшие сокровища – Будда, Учение и Община, то здесь собеседники спорят, приводят примеры разных драгоценных вещей, умений и т. д., и лишь в итоге соглашаются, что буддийские сокровища ценнее всех. Книга сохранилась в нескольких изводах, какой из них считать основным – неясно. Эти сборники значительно отличаются по количеству рассказов: при переписывании в книгу включались истории, ранее в нее не входившие, при этом получившиеся тексты считались вариантами одного и того же произведения. Похожим образом рождались различные версии *гунки-моногоматари*, таких как «Повесть о братьях Сога»: часть историй (фактически, таких же *сэцува*), из которых состояло повествование, переписчики переделывали по-своему, и в итоге появлялись сильно отличающиеся друг от друга тексты, тем не менее воспринимаемые как одно и то же произведение (см.: [20, с. 173–174]). Построение *«Хобуцусю»* отсылает к историческим «зерцалам», *кагами* (где обычно дела минувших лет обсуждаются в беседе старцев). Вместе с тем, можно сказать, что здесь по-новому решается та же задача, что в *«Кондзяку»*: передать литературными средствами устный рассказ; только здесь

еще и описаны обстоятельства его произнесения и реакция слушателей. В *«Хобуцусю»* представлены те же три страны и три эпохи, что и в *«Кондзяку»*: древняя Индия, старинный Китай, Япония от древности до недавних дней. Среди индийских сюжетов, например, присутствует японская краткая версия «Рамаяны».

В 1210-е гг., после замирения междоусобиц, когда устанавливается новое, воинское правление (сёгунат), создаются по меньшей мере четыре сборника. Самый крупный из них, «Беседы о делах старины», *«Кодзидан»* (462 рассказа), принадлежит отставному придворному Минамото-но Акиканэ (1160–1215) [3]. Вероятно, он брал за образец *«Годансё»* и мирские свитки японской части *«Кондзяку»*, а писал то на японском, то на китайском. *«Кодзидан»* делится на шесть частей, и в них появляются новые тематические разделы. Первый – о государях и их ближних родичах (такой свиток, возможно, в *«Кондзяку»* был или предполагался, и шел он 21-м, открывая мирскую половину японской части). Дальше, как и в *«Кондзяку»*, помещены рассказы о высших сановниках и о воинах, но между этими разделами вставлен раздел о монахах. Монашество здесь выглядит как один из слоев общества, храмовая карьера – скорее, один из способов применить человеческие способности в здешнем мире, а не путь к спасению. За воинскими рассказами в *«Кодзидан»* следуют истории о синтоистских святилищах и буддийских храмах, а затем о мастерах различных искусств. Общих сюжетов в *«Кондзяку»* и *«Кодзидан»* много, но изложение почти всегда настолько разное, что трудно считать эти версии одним и тем же рассказом. В те же 1210-е гг., что и *«Кодзидан»*, появилось «Продолжение бесед о делах старины», *«Дзоку кодзидан»* (185 рассказов).

«Собрание пробужденного сердца», *«Хоссинсю»*, принадлежит поэту-отшельнику Камо-но Тёмэй (1155–1216), чьи знаменитые «Записки из кельи», *«Ходзёки»*, рисуют страшную картину наставшего «злого века», эпохи смут конца XII в., а затем рассказывают о счастье отшельничества; в русском переводе Н.И. Конрада этот текст переиздавался много раз. Кроме того, Тёмэй составил «Записки без названия», *«Мумёсё»*, – трактат о поэтическом искусстве (см.: [1]). Сборник *«Хоссинсю»* содержит 102 рассказа, распределенных по восьми разделам; его основная тема восходит к изречению из «Сутры о Нирване»: «Будь учителем для своего сердца, но не давай сердцу быть твоим учителем» (см.: [26;

21]). В предисловии Тёмэй пишет, что рассказы он собирал для себя: чтобы, глядя на мудрых, стараться подражать им, пусть с ними и трудно сравниться, а глядя на глупых, самому избегать глупостей. Таким образом, для него собирание рассказов – способ совершенствования, своеобразный путь подвижничества. Он пишет: я не берусь рассуждать о глубоком учении Будды, а записываю, что видел и слышал; индийских и китайских преданий я не трогаю, ибо они слишком далеки от нас, также оставляю в стороне чудеса будд и бодхисаттв, ибо не знаю, какие из них выбрать, а рассказываю в основном о делах людей. Говоря это, Тёмэй словно бы движется по оглавлению «Кондзяку» от индийской части к японской и отмечает, каких разделов, аналогичных «Стародавним повестям», в его книге не будет. Из этого возможно сделать вывод, что ожидания читателя, приступающего к книге поучительных рассказов, могли, по крайней мере с точки зрения Тёмэя, исходить из опыта знакомства с «Кондзяку».

Одна из тем китайской части «Кондзяку» в «Хоссинсю» все же звучит: это сыновняя почтительность. Правда, обсуждается она на японских примерах. Из 13-го – 15-го свитков «Кондзяку», посвященных чудесам, несколько рассказов тоже имеют параллели в «Хоссинсю», но Тёмэй пересказывает их с другой точки зрения: не как предания о буддах и бодхисаттвах, а как истории людей, в чьих сердцах пробудилась вера. Но действительно, гораздо большее сходство с «Хоссинсю» имеют в «Кондзяку» свитки начиная с 19-го, где речь идет о том, как разные люди принимали монашество. Отметим, что тема «ухода в монахи», *сюккэ*, для «Хоссинсю» не менее важна, чем для «Кондзяку», однако у Тёмэя еще больше места занимает тема отшельничества, «ухода от мира», *тонсэй*. Это понятие может относиться и к мирянам, удалившимся от света, и к монахам, когда те из больших храмов переселяются в уединенные кельи. Другая особенность «Хоссинсю» в том, что здесь, как и в «Записках из кельи», занятия поэзией и музыкой мыслятся как способы буддийского подвижничества; в «Кондзяку» же (в свитке 24-м) они, скорее, выглядят как особые пути. Также в «Хоссинсю» самостоятельной темой рассказов становится самоубийство – столь характерное для японской культуры, по крайней мере на западный взгляд; этой теме Тёмэй отводит больше десятка историй. В «Кондзяку» герои погибают во многих рассказах, причин смерти множество, от бытовых до чудесных,

часто люди сами губят себя, но самоубийц в прямом смысле слова среди них почти нет.

Об «уходе от мира» речь идет и в первой из двух частей небольшого сборника «Друг уединенной жизни», «*Канкё-но томо*» (1222 г.) (см.: [22]). Его составил монах Кэйсэй (1189–1268), брат канцлера Кудзё-но Митиизэ. В сборнике всего 32 рассказа, вторая часть отведена теме женской судьбы: в «*Кондзяку*» рассказов о женщинах много, но в особый свиток они не выделяются. По предположению Д. Кина, «*Канкё-но томо*» был рассчитан на читательниц, вопреки принятому взгляду на традицию *сэцува* как «мужскую» [19, с. 770].

Вероятно, в первой половине XIII в. появляется сборник, который чаще всего сравнивают с «*Кондзяку*»: это «Рассказы, собранные в Удзи», «*Удзи сюи-моногатари*» (см.: [2]). Его составитель неизвестен. И заглавие, и предисловие отсылают к «Повестям среднего советника Удзи». Из 197 его рассказов по меньшей мере 83 имеют источники в «*Кондзяку*», но в «*Удзи сюи*» все эти сюжеты пересказаны заново. Перед нами уже не записи устных рассказов, а книга для чтения «глазами». То, что мог бы сыграть рассказчик (голосом, жестами и т. д.) или вообразить опытный слушатель устных рассказов, здесь передается литературными средствами. Именно сравнение с «*Удзи сюи*» позволяет понять, насколько в «*Кондзяку*» значимы отсылки к устной традиции. «Рассказы, собранные в Удзи» принято считать самым стилистически совершенным сочинением во всей традиции *сэцува*, из всех сборников его первым стали помещать в ряд классических произведений японской словесности. Сопоставлению «*Кондзяку*» и «*Удзи сюи*» посвящена книга Г.Г. Свиридова [7], где показано, что ассоциативные связи между рассказами во втором из сборников становятся гораздо более сложными; в конечном счете, здесь каждый рассказ связан со всеми остальными, тогда как в «*Кондзяку*» связи строятся, скорее, по цепочке (см.: [12]).

Сопоставим две версии одного и того же рассказа: «*Кондзяку*» 25–7 и «*Удзи сюи*» 28. В нем говорится о встрече разбойника по имени Хакамадарэ, который промышлял воровством одежды, и Фудзивара-но Ясумасы – знатного воина, поэта и музыканта, мужа знаменитой поэтессы Идзуми Сикибу. Сюжет таков: однажды ночью Хакамадарэ искал себе жертву, чтобы ограбить. И вот он видит господина в богатых одеяниях, который в одиночестве, без свиты, бредет по дороге, наигрывая на флейте. Хакамадарэ хо-

тел было напасть на него, но не смог, поскольку незнакомец внушал ему непонятный страх. И пока разбойник преследовал Ясумасу, воин словно бы ничего и не замечал, хотя не мог не слышать, как за ним крадется вор, оставался невозмутимым. Хакамадарэ такое хладнокровие испугало еще больше. Но он все следовал и следовал за воином, то подбегая ближе, то снова отступая, пока наконец не выхватил меч. Тогда Ясумаса остановился и спросил имя преследователя, после чего велел следовать за ним. Хакамадарэ не дерзнул ослушаться, и когда они дошли до имени Ясумасы, разбойник понял, кем был его таинственный воин, а Ясумаса пожаловал вору одежду.

Версия, помещенная в «Удзи сюи», короче, чем история из «Кондзяку», но в ней используются те же самые выражения – многие фразы совпадают дословно, иногда отличаясь лишь отдельными грамматическими формами. В «Удзи сюи» опущены или сокращены некоторые описания, в результате чего версия «Кондзяку» читается больше как «сказовая», обладающая своеобразным ритмом и большей эмоциональностью, в то время как в «Удзи сюи» все внимание сосредоточено на сюжете. Но главное отличие двух вариантов в том, как они завершаются. В «Удзи сюи» рассказ заканчивается на том, как Ясумаса дарит разбойнику одежду и говорит: «Когда тебе понадобится одежда, приходи и говори. Отнимая у человека не понимающего, ты можешь совершить ошибку». Потом, когда был пойман, Хакамадарэ говорил, насколько удивительный и пугающий человек Ясумаса. В «Кондзяку» за этим же эпизодом помещен еще краткий рассказ о самом Ясумасе, причем его способность внушать страх не оценивается как однозначно положительное качество: всем он был хорош и благороден, сообщает рассказчик, а в свете его все равно боялись и не понимали. Причиной было то, что Ясумаса происходил не из воинской семьи, не следовал традициям предков, а значит, в некотором смысле, находился не на своем месте, и потому, сколь бы талантлив он ни был, счастья это ему не принесло.

Кониси Дзинъити сравнивает изложения еще одной истории, включенной в оба сборника, – рассказа о военачальнике Тосихито. Это история, которая легла в основу новеллы Акутагавы Рюноске «Бататовая каша», – о том, как некий человек мечтал вдоволь наесться каши, а бесстрашный воин Тосихито пожалел его и, решив накормить, забрал с собой, а в пути продемонстрировал, что не страшится даже общения со сверхъестествен-

ными существами, такими как лиса-оборотень. В «Удзи сюи» (1–18) повествованию свойственна большая целостность, а построение сюжета рассчитано на способность произвести больший эффект на читающего (а не слушающего) человека [20, с. 324–325]. Различные объяснения составитель «Удзи сюи» счел возможным опустить; в этом отношении «Кондзяку» (26–17) несколько ближе к буддийским проповедям, в ходе которых священнику приходилось давать множество дополнительных разъяснений, чтобы сделать рассказ понятным для всех [20, с. 326].

Ближе к середине XIII в. было составлено еще пять собраний, каждое из которых в чем-то продолжает традицию «Стародавних повестей», а в чем-то отталкивается от нее. «Повести нынешнего века», «Има-моногатари» (после 1239 г.), собрал знаменитый поэт и живописец Фудзивара-но Нобудзанэ (1176–1266). Отсчет «нынешних времен» в них начинается от той поры, на которой заканчивается «Кондзяку», от первых десятилетий XII в. Здесь 53 рассказа в основном продолжают темы 24-го и 30-го свитков «Кондзяку»: истории о поэтах и о любви. В «Сборник избранных рассказов», «Сэндзюсё», также вошли рассказы о стихах (см.: [25]). Его приписывают Сайгё, знаменитому поэту-страннику XII в., но на деле он был составлен, вероятно, около 1250 г. В нем 121 рассказ, предполагаемый способ их сбора – противоположный, чем в «Кондзяку»: любитель послушать истории не сидит на месте, зазывая к себе гостей, а, наоборот, странствует и в пути встречает разных рассказчиков, а некоторые истории приключаются и с ним самим. Здесь продолжается то же движение, что наметилось в «Хоссинсю» и «Канкё-но томо»: сборники становятся все более «авторскими», повествователь с его жизненным опытом, взглядами и вкусами занимает в книге все больше места. В какой-то мере это можно считать возвратом к самому началу традиции *сэцува*: и в «Нихон рёики» VIII–IX вв., первом буддийском сборнике, и в «Годансё» личность единого рассказчика явственно различима. В «Кондзяку» же, скорее, слышны разные голоса, это собрание больше похоже на работу нескольких составителей, хотя, возможно, они и следовали единому замыслу.

В 1254 г. создается второй после «Кондзяку» по объему свод *сэцува* – «Собрание примечательных рассказов из нынешних и прежних времен», «Кокон тёмондзю» (см.: [17]). Его составил поэт и знаток словесности Татибана-но Нарисуэ (даты жизни неизвестны). Заглавие от-

сылает и к «Стародавним повестям», и к «Собранию старых и новых песен», «*Кокинсю*». В собрании тридцать тематических разделов, по объему, как правило, чуть меньших, чем свитки «*Кондзяку*»⁴: это разделы о японских богах *ками* (1)⁵, о буддах и бодхисаттвах (2), сановниках (3), государях и их родичах (4), о словесности (5), отдельно о придворной поэзии (6), о музыке и танцах (7), каллиграфии (8), врачевании и гадании (9), о почтительных детях (10), влюбленных (11), воинах (12), отдельно о лучниках (13), наездниках (14), борцах и силачах (15), о живописцах (16), игроках в мяч (17), игроках в кости (18), разбойниках (19), о счастливой судьбе (20), о несчастной судьбе (21), о забавах (22), страстях (23), сражениях (24), об острословах (25), о загадочных происшествиях (26), видениях (27), о еде и напитках (28), растениях (29) и животных (30). Такое построение восходит к китайским энциклопедическим собраниям историй⁶, однако и переклички с «*Кондзяку*» в нем можно проследить. Отсылки к устной традиции в «*Кокон тёмондзю*» играют меньшую роль, зато часты указания на то, из какой книги взят тот или иной рассказ (не все эти книги дошли до наших дней). Отметим, как невелика здесь доля собственно буддийских рассказов (хотя монахи действуют не только во 2-м, но и в других разделах) и как возрастает доля рассказов воинских: в «*Кондзяку*» рассказы о полководцах и силачах и о воинах занимают 23-й и 25-й свитки, всего рассказов 26 (числится 40, из них 14 пропущены); в «*Кокон тёмондзю*» воинских разделов пять, всего рассказов 56.

Иногда Нарисуэ считается составителем также и «Сборника наставлений в десяти разделах», «*Дзиккинсё*» (1252 г.) (см.: [9]). По другой версии, «*Дзиккинсё*» составил Рокухара Дзиродзаэмон – воин, возможно, служивший при представителе ставки сёгуна в столице. В сборнике

ке 282 рассказа, разделы озаглавлены десятью этическими предписаниями: по-доброму обходиться с людьми; отдалиться от чванства; не презирать людские дела; быть осмотнительным с людьми; выбирать друзей; быть преданным и прямым; всегда поступать обдуманно; быть терпеливым; умерять свои запросы; ценить дарования. Как и сборник «*Могю вака*», «*Дзиккинсё*» предназначен для юного читателя, рассказы в нем, как правило, короткие и простые. При этом они содержат множество отсылок к классической китайской и японской словесности, перед нами своего рода хрестоматия «крылатых слов» и часто упоминаемых сюжетов. С «*Кондзяку*» сборник имеет около тридцати общих рассказов, особенно много параллелей с 10-м и 24-м свитками (рассказы о китайских государях и о японских поэтах и музыкантах).

Сопоставим версии одного и того же рассказа о японском почтительном сыне из «*Кондзяку*» (19–26), «*Кодзидан*» (6–66) и «*Дзиккинсё*» (6–20). Самая короткая версия – в «*Кодзидан*», она помещена среди историй о знаменитых лучниках. Приведем ее целиком:

«Такэнори и Кинсукэ в старину были свитскими воинами при государе. Это были отец и сын, и что отец, что сын – люди не утонченные. На стрелковых состязаниях на ристалище Правой государевой стражи отец от сына отступился – за то, что тот плохо стрелял, – и при всех стал его избивать, а сын не убежал, позволял себя бить. Люди, кто видел это, спрашивали: что же ты не убежал, дал себя избить? А сын отвечал:

– Мой престарелый батюшка, если бы я пустился бежать, чего доброго, погнался бы за мной, и если бы запнулся и упал, вышло бы очень нехорошо. Вот я и терпел, скрепя сердце, пока он меня бил.

Люди того века говорили: исключительно почтительный сын! Другого такого в свете не бывало».

В «*Дзиккинсё*» сам этот эпизод рассказан почти теми же словами, однако далее повествователь сравнивает Кинсукэ с древними почтительными детьми: японским царевичем Сётоку (VI–VII вв.) и китайцем Цзэн Шэнем, учеником Конфуция (VI–V вв. до н.э.); правда, Конфуций ученику говорил, что если позволить отцу забить сына до смерти, это будет крайне непочтительно, ведь тогда на отца падет злая слава. Рассказ помещен в раздел о преданности; составитель исходит из конфуцианского постулата, что без сыновней почтительности невозможна и преданность господину.

⁴ Напомним, что в «*Кондзяку*» числится 31 свиток, из них 3 неизвестны.

⁵ В «*Кондзяку*» боги упоминаются не раз, но в качестве отдельной темы синтоистские сюжеты не выделяются. В XIV в. появится «Собрание Пути богов», «*Синтосю*», полностью посвященное этой теме.

⁶ Похожим образом строятся и некоторые поздние японские собрания, например, «Заметки Тосая», «*Тосай дзуйхицу*», принадлежащие самому высокопоставленному из составителей сборников – канцлеру Итидзё Канэра (1402–1481). Эти заметки делятся на разделы о музыке, травах и деревьях, птицах и зверях, делах людей, стихах и песнях, правителях, учении Будды, «Пути богов» (синтоизме), обычаях и обрядах, любви и забавах.

В «Кондзяку» эта история изложена гораздо подробнее. Сказано, что Кинсукэ был искусным стрелком, но в этот раз проиграл; что вообще отец сына очень любил, потому так и расстроился из-за его проигрыша. Показано, как отец, бывший на состязании одним из судей, вскакивает с места, не обувшись, бежит к лучникам, отрывает доску от ограды, сын склоняется перед ним и т. д. В этой версии люди не просто недоумевают, а смеются над Кинсукэ, называя его простаком. А отец, избив сына, отшвыривает доску и заливается слезами. Почему Кинсукэ так повел себя, спрашивают не просто «люди», а воинское начальство, и объяснение заставляет воевод пролить слезы. Сослуживцы молодого воина предлагают понизить его в должности за проигрыш, но начальство не соглашается. Позже Кинсукэ говорит: отец был прав, и если бы я не принял от него наказания, меня бы покарало Небо. Добрая слава Кинсукэ только возрастает, о нем докладывают самому канцлеру, сравнивая поступок юноши с деяниями бодхисаттв; здесь рассказчик сводит воедино буддийское самопожертвование и конфуцианскую почтительность к родителю. Канцлер одобряет Кинсукэ, а вслед за ним и другие начинают хвалить юношу. Рассказ помещен в тот свиток, где говорится, как разные люди решались на уход в монахи и на другие благочестивые дела. Версия «Кондзяку» не просто гораздо более живая, с бурными спортивными страстями. Она допускает несколько разных толкований, из которых в традиции закрепились одно, конфуцианское.

В 1283 г. монах Мудзю Итиэн (1226–1312) завершил «Собрание песка и камней», «Сясэкисю» (см.: [8]). Здесь авторский голос еще слышнее, чем в «Хоссинсю» или «Има-моногатари», поучительные истории часто встроены в рассуждения повествователя, по несколько сюжетов в одном рассказе (всего их 153). Свитки «Сясэкисю» заглавий не имеют, кратко определить их темы непросто, например, для 1-го свитка это тема единства богов и будд, для второго – чудеса будд и бодхисаттв, а для третьего – соотношение между словами и делами. В «Сясэкисю» есть параллели к рассказам из всех трех частей «Кондзяку», хотя здесь особенно трудно сказать, взяты ли сюжеты из «Стародавних повестей» или из других источников, где они также встречаются. Если в «Удзисюи» перед нами условно «устные» рассказы, перешедшие в «книжную», литературную форму, то в «Сясэкисю» и контекст рассказа, проповедь, из «устной» становится «книжной»,

часто Мудзю разбирает весьма сложные темы буддийского учения, которые трудно воспринять на слух. А один из свитков его собрания, 6-й, посвящен самому искусству проповеди, в нем есть несколько рассказов о том, какие поучительные примеры уместны в том или ином наставлении, а какие нет.

Как жанр литературы, сборники *сэцува* в XIII в., оставаясь смешанным жанром *га-дзюку*, – то есть таким, в котором сочетаются элементы и литературы для подготовленного читателя (читателя-сотворца), требующей определенной базы знаний для восприятия текста, и литературы, которая не требует от читателя такой базы, – развивались в направлении увеличения доли *га*. Однако они по-прежнему сохраняли и многое от своей изначальной природы – в частности, им были свойственны отсутствие унификации стиля, использование разных приемов для изложения разных вещей. Изменчивой была сама структура сборников: до наших дней некоторые из них сохранились во множестве вариантов, из которых не обязательно самый короткий – изначальный. *Сэцува* оставались литературой назидательной, хотя не обязательно имели прямо сформулированную мораль и не обязательно эта мораль была буддийской. Помимо этого, с проповедями сборники *сэцува* сближало желание обозначить излагаемую историю как происходившую в реальности: похожее стремление можно наблюдать в текстах жанра *кагами*, только там происходящее точно датируется, как в летописях, а не помещается в условную «старину», как в *сэцува*. В «Кондзяку» тяга к «документальности» выражается порой в указании на место и время событий и на то, кем и как был передан рассказ [20, с. 327–329].

Несколько сборников *сэцува* появляется в XIV в. Принято считать, что к XV в. традиция эта постепенно сходит на нет. Из поздних собраний следует назвать «Предания трех стран», «Сангоку дэнки» (1407 г.), где снова, как и в «Кондзяку», составители стараются охватить все известные им страны и всю историю мира.

Литература *сэцува* повлияла на развитие многих других жанров японской словесности. В частности, во многом ей наследовала традиция коротких рассказов *отоги-дзоси*. Интерес же собственно к сборникам *сэцува* вспыхнул вновь в эпоху Эдо (XVII–XIX вв.). Но несмотря на то значение, которое «Собрание стародавних повестей» имело в истории японской литературы, в новейшее время ценность его осознали далеко не сразу. «Кондзяку» снискало попу-

лярность намного позже, чем «Удзи сюи», и во многом благодаря творчеству Акутагава Рюноске и других писателей начала XX в. История из «Кондзяку» (29–23), известная во всем мире далеко не только японоведам, ставшая основой сюжета знаменитого кинофильма «Расёмон» (1950 г., режиссер Куросава Акира), приобрела известность как раз благодаря пересказу Акутавы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камо-но Тёмэй. Записки без названия. Беседы с Сётэцу. СПб.: Гиперион, 2015.
2. Кикнадзе Д.Г. «Удзи сюи моногатари» как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185): дисс. ... канд. ист. н. СПб., 2016.
3. Кодзидан. Дзоку кодзидан (Беседы о делах старины. Продолжение бесед о делах старины). Токио: Иванами, 2005.
4. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 22–26. Токио: Иванами, 1959–1963.
5. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисутокэнсяку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html
6. Кунисаки Фумимаро. Кондзяку моногатари-сю сакуся-ко: (Размышления об авторе «Собрания стародавних повестей»). Токио: Мусасино сёин, 1985.
7. Свиридов Г.Г. Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). М.: Наука, 1981.
8. Собрание песка и камней. Т. 1. «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Т. 2. Исследование. Указатели. Приложение / Пер. и иссл. Н.Н. Трубниковой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
9. Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё») и вопрос о светской мысли в эпоху Камакура // *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Вып. LVII. СПб.: Гиперион, 2015. С. 111–122.
10. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
11. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности (в печати).
12. Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов VIII–XI вв. // Гу-

манитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 35–45.

13. Удзи сюи моногатари (Рассказы, собранные в Удзи) // Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисутокэнсяку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yatanavi.org/text/yomeiujji/index.html>
14. Япония в эпоху Хэйан (794–1185). Хрестоматия. М.: РГГУ, 2009.
15. A collection of tales from Uji: a study and translation of Uji Shūi Monogatari. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
16. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku Monogatari-shū by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.
17. Dykstra, Y.K., 1992. Notable tales old and new: Tachibana Narisue's Kokon Chomonjū. Monumenta Nipponica, Vol. 47, no. 4, pp. 469–493.
18. Geddes, W., 2005. Kara Monogatari – Tales of China. Kumamoto: Kurodahan Press.
19. Keene, D., 1999. Seeds in the heart: Japanese literature from earliest times to the late sixteenth century. New York: Columbia University Press.
20. Konishi Jin'ichi, 1991. A history of Japanese literature. Vol. 3. The high Middle ages. Princeton: Princeton University Press.
21. Pandey, R., 1992. Suki and religious awakening: Kamo no Chōmei's Hosshinshū. Monumenta Nipponica, Vol. 47, no. 3, pp. 299–321.
22. Pandey, R., 1995. Women, sexuality, and enlightenment: Kankyō no Tomo. Monumenta Nipponica, Vol. 50, no. 3, pp. 325–356.
23. The Cambridge history of Japanese literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
24. The demon at Agi Bridge and other Japanese tales. New York: Columbia University Press, 2011.
25. The Senjūshō: Buddhist tales of early Medieval Japan. Honolulu: Kanji Press, 2014.
26. Ury, M.B., 1972. Recluses and eccentric monks: tales from the Hosshinshū by Kamo no Chōmei. Monumenta Nipponica, Vol. 27, no. 2, pp. 149–173.
27. Ury, M.B., 1993. The Ōe conversations. Monumenta Nipponica, Vol. 48, no. 3, pp. 359–380.

REFERENCES

1. Kamo no Chomei, 2015. Zapiski bez nazvaniya. Besedy s Syotetsu [Mumyosho. Conversations with Shotetsu]. Sankt-Peterburg: Giperion. (in Russ.)
2. Kiknadze, D.G., 2016. «Udзи syui monogatari» kak istochnik po dukhovnoy kul'ture

Yaponii epokhi Kheyan (794–1185) [«Uzi Shūi Monogatari» as a source on spiritual culture of Heian Japan, 794–1185], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

3. 古事談. 続古事談 [Kojidan. Zoku Kojidan]. 東京: 岩波書店, 2005. (in Japanese)

4. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. Vol. 22–26. 東京: 岩波書店, 1959–1963. (in Japanese)

5. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese)

6. 国東文麿, 1985. 今昔物語集作者考 [On authorship of Konjaku Monogatari-shū]. 東京: 武蔵野書院. (in Japanese).

7. Sviridov, G.G., 1981. Yaponskaya srednevekovaya proza setsuwa. Struktura i obraz [Japanese Medieval setsuwa prose: structure and image]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Sobranie peska i kamney. T. 1. «Sobranie peska i kamney» v istorii yaponskoy filosofskoy mysli. T. 2. Issledovanie. Ukazateli. Prilozhenie [Sand and pebbles. Vol. 1. «Sand and pebbles» in the history of Japanese philosophical thought. Vol. 2. Research by N.N. Trubnikova. Index. Appendix]. Moskva–Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. (in Russ.)

9. Trubnikova, N.N., 2015. «Sbornik nastavleniy v desyati razdelah» («Dzikkinsyo») i vopros o svetskoy misli v epokhu Kamakura [«Jikkishō» and the issue of secular philosophy of Kamakura era]. In: *Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti RGGU*. Vyp. LVII. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 111–122 (in Russ.)

10. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2014. Obnovlenie traditsii v yaponskoy religiozno-filosofskoy mysli XII–XIV vv. [Japanese religious philosophy in 13th–14th centuries: renewing traditions]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. (in Russ.)

11. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2018. «Sobranie starodavnykh povestey» v otsenkakh issledovateley: osnovnye voprosy i trudnosti [Konjaku Monogatari-shū in the research: main issues and problems]. (in print) (in Russ.)

12. Trubnikova, N.N. and Kolyada, M.S., 2018. «Sobranie starodavnykh povestey» v traditsii yaponskikh pouchitelnykh rasskazov VIII–XI

vv. [Konjaku Monogatari-shū in the Japanese didactic tales tradition of VIIIth–XIth centuries], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 35–45. (in Russ.)

13. 宇治拾遺物語 [Uji Shūi Monogatari]. URL: <http://yatanavi.org/text/yomeiuiji/index.html> (in Japanese)

14. Grachev, M.V. ed., 2009. Yaponiya v epokhu Kheian (794–1185). Khrestomatiya [Japan of the Heian period, 794–1185. A reader]. Moskva: RGGU. (in Russ.)

15. A collection of tales from Uji: a study and translation of Uji Shūi Monogatari. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

16. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku Monogatari Shū by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

17. Dykstra, Y.K., 1992. Notable tales old and new: Tachibana Narisue's Kokon Chomonjū. *Monumenta Nipponica*, Vol. 47, no. 4, pp. 469–493.

18. Geddes, W., 2005. Kara Monogatari – Tales of China. Kumamoto: Kurodahan Press.

19. Keene, D., 1999. Seeds in the heart: Japanese literature from earliest times to the late sixteenth century. New York: Columbia University Press.

20. Konishi Jin'ichi, 1991. A history of Japanese literature. Vol. 3. The high Middle ages. Princeton: Princeton University Press.

21. Pandey, R., 1992. Suki and religious awakening: Kamo no Chōmei's Hosshinshū. *Monumenta Nipponica*, Vol. 47, no. 3, pp. 299–321.

22. Pandey, R., 1995. Women, sexuality, and enlightenment: Kankyō no Tomo. *Monumenta Nipponica*, Vol. 50, no. 3, pp. 325–356.

23. The Cambridge history of Japanese literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

24. The demon at Agi Bridge and other Japanese tales. New York: Columbia University Press, 2011.

25. The Senjūshō: Buddhist tales of early Medieval Japan. Honolulu: Kanji Press, 2014.

26. Ury, M.B., 1972. Recluses and eccentric monks: tales from the Hosshinshū by Kamo no Chōmei. *Monumenta Nipponica*, Vol. 27, no. 2, pp. 149–173.

27. Ury, M.B., 1993. The Ōe conversations. *Monumenta Nipponica*, Vol. 48, no. 3, pp. 359–380.